

НОВАЯ КНИГА

Фотомонтажный цикл Юрия Рожкова к поэме Владимира Маяковского «Рабочим Курска, добывшим первую руду...»: Реконструкция неизданной книги 1924 года. Статьи. Комментарии. Сост. К. Матиссен, под ред. А. Россомахина. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. — 32 цв. с. + 96 с.: 70 ил. — (AVANT-GARDE; вып. 4). — ISBN 978-5-94380-171-6

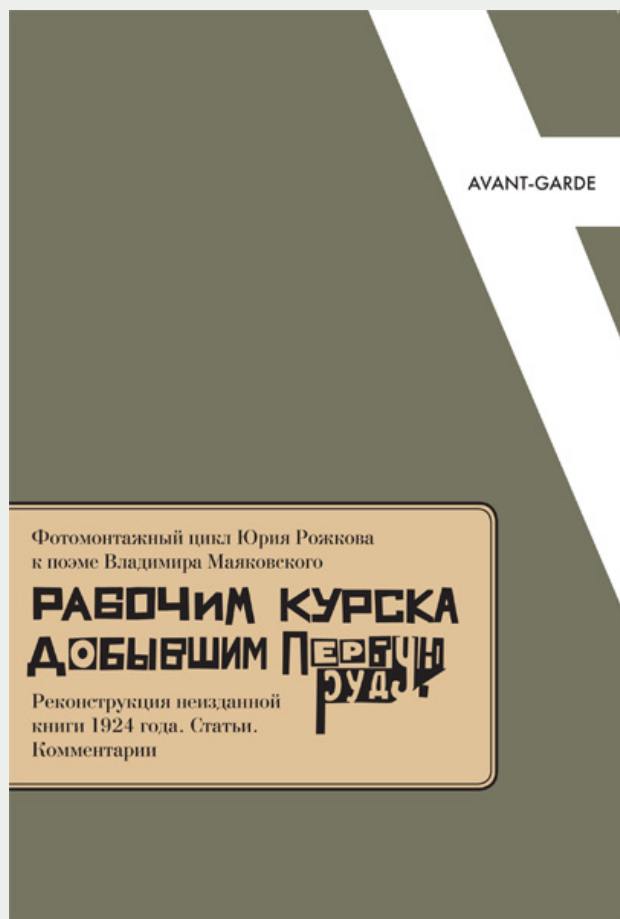
Уникальный фотомонтажный цикл к поэме Владимира Маяковского «Рабочим Курска, добывшим первую руду...» художник Юрий Рожков создал в 1924 году, под впечатлением как авангардной энергетики поэмы, так и открытия Курской магнитной аномалии (КМА) — самого мощного в мире железорудного бассейна. В своих фотомонтажах художник доводит до своеобразного предела конструктивистскую эстетику, в буквальном смысле пытаясь осуществить синтез слова и изображения. Перерабатывая газетно-журнальную и репортажную периодику тех лет, он формирует новые смысловые взаимоотношения графических форм, создает визуально-типографический эквивалент текста поэмы. Одновременно художник подхватывает парадоксальную идею «временного памятника»: произведения искусства, отрицающего самое себя.

Впервые проект фотомонтажного издания поэмы был показан Маяковским в 1930 году — на его итоговой выставке «20 лет работы». Все монтажи экспонировались поэтом на отдельном стенде, снабженные транспарантом: «Ждет печати». Эта неосуществленная книга Маяковского более 30 лет назад была издана коллекционным тиражом в Германии и Чехословакии, и лишь спустя 90 лет после своего создания приходит наконец к отечественному читателю. Издание этого интереснейшего памятника авангарда впервые сопровождается рядом статей и комментариями, позволяющими реконструировать актуальный историко-литературный контекст эпохи, жизнестроительный пафос и нерв тех лет.

В выпущенную Издательством Европейского университета в Санкт-Петербурге книгу вошли не

только полноцветные репродукции всех монтажей Рожкова, но и исследования Л. К. Алексеевой, А. Бошковича, В. Н. Дядичева, М. С. Карасика, К. В. Матиссен, А. А. Россомахина, А. Н. Фоменко, рассматривающие самые разные аспекты как самой поэмы, так и ее визуального воплощения, осуществленного в фотомонтажах Юрия Рожкова. Удивительным образом художник-дилетант Ю. Н. Рожков оказался не только последователем таких пионеров в искусстве фотомонтажа, как А. Родченко, Г. Клуцис, братья Стенберги или европейские дадаисты, — в чем-то он даже предвосхитил их последующие достижения. Недаром в 1970–1980-х годах монтажи к «Рабочим Курска...» экспонировались по всей Восточной и Западной Европе, а также в США, на Кубе и даже в Австралии.

К выходу иллюстрированного и комментированного издания поэмы «Рабочим Курска...» мы публикуем работу Е. Ф. Лобкова.

НОВАЯ КНИГА

СОДЕРЖАНИЕ

I

Поэма «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского»: Фотомонтажный цикл Юрия Рожкова. Комментарий *Владимира Дядичева* и *Андрея Россомазина*

II

Владимир Дядичев
Поэма Маяковского «Рабочим Курска...»: 7
к истории создания и рецензии

Лариса Алексеева
Временный памятник Юрию Рожкову 21

Александр Бошковиц
Агитационная фотопоэма как рукотворный памятник 27

Андрей Фоменко
Демонтируемый памятник 43

Кира Матиссен
Юрий Николаевич Рожков: 51
большевик, художник, инженер-геолог

III

Фотомонтажный цикл Юрия Рожкова 59
к стихотворению Маяковского «Еврей»
Комментарий *Андрея Россомазина*

Кира Матиссен
Это то немногое, что осталось... 69

Михаил Карасик
Фотомонтаж — искусство социалистической стройки 73

Выставки и библиография 86

Summary 93

НОВАЯ КНИГА

шинье», степи, Урал. Параллели с пастернаковским «Урал впервые». У Пастернака твердыня Урала — ослепшая, у Маяковского «в будущее приоткрытый глаз». В стихах Пастернака — роды, в поэме Маяковского — зачатие. Архетипы. Композиционное использование тройчаток: слово-слева-слава; дула-дола-дело; в первой главе трижды — «а на деле...»; в последней — «но зато...».

Маяковский — руководитель фабрики слов — продолжатель Ломоносова «с его одами во славу русского оружия и рифмованными рассуждениями о пользе стекла»¹.

Главка «Есть» — переход от реальности к развернутой метафоре совокупления. Рыцарь и томная земля. Этот рыцарь борется с настоящей мельницей — мира жернов (неоконченная поэма «Пятый интернационал»). «В будущее приоткрытый глаз» — символ света и любви.

Сила слова — «на восстанье наше, / на желанье, / на призыв / двинулись земли низы». Земная стихия приходит в движение. Земля — живое существо.

Главка «Будет» — техногенная цивилизация. Картина будущего. Курские соловьи посрамлены. Курск будущего — стальной соловей. У Блока — Новая Америка, у Маяковского — эсэсэсэрский Гамбург. Но Америка есть, и Гамбург уже есть, а что же принципиально нового? Тщательно выписанные индустриальные пейзажи, с элементами мифологии.

«Наступивши молниям на хвост... / направляли / весь с цепи сорвавшийся хаос» — мифологическая метафора. Люди будущего — обращаются с молнией как Зевс, Перун, Илья-пророк. Домны — огнегубы. «...в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса» (А. П. Чехов)².

Промышленная, аграрная, транспортная революция — апофеоз, возвышенно. Планеры, корабли... все в движении. Так надо продолжать — повернуть на невиданный быт, на великое, ранее непредставимое искусство. Алюминий — металл социализма. Сбывшийся четвертый сон Веры Пав-

ловны. Картины промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Сухопутнейший Курск — порт девяти морей. Быт будущего — отсутствует.

Злободневность. События 1923 года. В этом году у Маяковского вышло 19 книг и брошюр. Основан журнал «ЛЕФ»; объединение с левыми филиалами в разных городах. Кажется реальной перспектива международного союза левых художников «Искинтерн». Его с удовольствием печатают самые авторитетные газеты и журналы. В разных театрах ставится «Мистерия-Буфф». Тем не менее, существует и противодействие «ЛЕФу».

Ода Маяковского содержит элементы сатиры. Сатирические фигуры — Чужак, Альфред из «Известий», Сакулин, Сосновский. И значимые: три Андреевых, Меркулов, Алексей Толстой (тогда еще не классик первого ряда), Собинов, Южин, Луначарский и т. п. Все — представители «академизма» или его сторонники.

Ругань, занявшая добрую четверть третьего номера «ЛЕФа», продолжается. 10 июня на «ЛЕФ» обрушился в пятисотстрочном известинском подвале некто Альфред. Под этим псевдонимом выступил старый большевик Федор Капелюш. С некоторыми изменениями материал 7 июля напечатала берлинская «Накануне» уже под псевдонимом А.С. и под названием «Революционная фразеология в искусстве». В статье, содержащей громадное количество фактических ошибок, в частности, говорилось:

Эти вымученные «искания», искания ради исканий, искания *quand teme* (во что бы то ни стало), ни дать, ни взять, напоминают старое искусство для искусства, лишь вывороченное наизнанку. Конечно, ни революция, ни пролетариат здесь не при чем, притянуты за волосы. А между тем в поэзии нашим нетерпеливым товарищам обязательно подавай сейчас же не более и не менее как «поэтов октября» — карету, то бишь поэта для нашей революции! Увы, этих поэтов нет как нет, вместо них пока пышным цветом цветут самозванцы «ЛЕФа» и «кружков поэтов», разные акмеисты, имажинисты, футуристы, эгофутуристы, беспредметники, ничевоки и т. п. <...>

...оставьте в покое малых сих, чем бы дитя не тешилось,

¹Сарнов Б. Пришествие капитана Лебядкина. М., 1994.

²Чехов А. Письмо А. С. Суворину от 27 марта 1894 г. // Чехов А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1974–1983. Письма. Т. 5. С. 284.

НОВАЯ КНИГА

хотя бы уродствами и юродствами Лефа <...> в каждом истинном поэте должна иметься <...> несоизмеримая, невесомая, «иррациональная» искра божья <...> В этом смысле мы не можем примириться с «Лефом», в котором не видим не только огня революции и поэзии, но даже этой искорки¹.

Юбилей А. Н. Островского. Торжественное заседание в Малом театре. Состоялась закладка памятника драматургу. Выступили А. В. Луначарский, А. И. Южин и профессор П. Н. Сакулин. Газетные отчеты транслируют слова наркома просвещения:

Тов. А. В. Луначарский в своей речи провозглашает лозунг: «К Островскому, к идеалам художников 60–70-х годов, в поэзии к Некрасову, в музыке к «Могучей кучке», в живописи к передвижникам, в литературе к великим реалистам, а в театре — к Островскому»².

Победившая власть не нуждалась в революционном искусстве. Маяковский немедленно отреагировал на речь наркома:

Вас
не будут звать:
«Железо бросьте,
выверните на спину глаза,
возвращайтесь
вспять
к слоновой кости,
к мамонту,
к Островскому
назад»...

И наконец, в финале поэмы переход к заглавной теме — к памятникам... Не критика, не полемика, а издевательские характеристики «аков» (академиков), не способных отобразить подвиг «тридцати тысяч» рабочих Курска.

Безмянные тысяч тридцать рабочих Курска создадут индустрию; по мысли Маяковского это и есть истинный памятник их труду — причем это невиданный доселе «курьерский», «бегущий памятник»...

Гиз
не тиснет
монографии о вас.
Но зато —
растет дыма клуб,
и опять
фамилий ваших вязь

вписывают
миллионы труб.
Двери в славу —
двери узкие,
но как бы ни были они узки,
навсегда войдете
вы,
кто в Курске
добывал
железные куски.

¹Альфред. Поэзия фабрики или фабрика поэзии // Известия. 1923. 10 июня.

² Известия. 1923. № 81. 14 апреля.